

ПОСТСОВЕТСКИЙ ТРАНЗИТ МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИЕЙ И РЕСТАВРАЦИЕЙ

Михаил Минаков

Национальный университет «Киево-Могилянская академия» и Европейский университет Виадрина, ORCID: 0000-0002-0619-7321

Недавнюю историю постсоветских народов часто описывают с помощью метафоры перехода, транзита. Образ движения, смены места и ситуации находился в ядре социального воображения новых наций. В этой метафоре проговаривался поиск социально-политической новизны и новых начал, который легитимировал и роспуск СССР, и запуск новых политических и экономических экспериментов. Период между 1990 и 1993 был поистине революционным моментом, ориентированным на гражданственность-буржуазность, неолиберализм-капитализм и национализм-коллективизм.

Тем не менее, в этом революционном порыве к беспрецедентному были свои противоречия. Поиск новых форм социальной, политической и экономической жизни парадоксально сосуществовали с коллективной волей к «возвращению» к некоему «нормальному состоянию» и/или «цивилизованному миру» (эти фразы стали расхожими в поздне- и постсоветской прессе).

Идея «возврата» конечно же была связана с метафорой перехода: от советского тупика российское, украинское или литовское общества

стремились вернуться к своему «естественному правильному состоянию». В силу этого, лидеры балтийских стран, России и Украины указывали на республиканские эксперименты февральской революции 1917 года как отправные точки для новых государств.¹ Таким образом революционная креативность 1991 года ограничивалась стратегией реставрации, то есть интенцией использовать формы и модели первой половины XX века для построения стран, входящих в XXI век.

Еще одним ограничителем постсоветского социального воображения было «копирование Запада». Революция 1991 года рассматривалась как возможность для переноса западного опыта и моделей в постсоветские общества, ибо этот опыт гарантировал успех (see: Stefes, 2006: 10-11; Gaidar, 2010: 17ff; Кордонский, 2010: 10).

Но ни переход при помощи переноса, ни транзит через возвращение к дооктябрьской «нормальности» не привел ни к ожидаемому успеху, ни к западной нормальности. Новые формы коллективной жизни проросли в постсоветских обществах с неопатримониализмом, патрональными сетями, мафиозным государством, неоимпериализмом и национализмом, неосоветизмом и демодернизацией. И они успешно противостоят демократическим тенденциям в этих же странах. Несмотря на сильное институциональное и ценностное влияние ЕС, в странах Балтии немало препятствий для функциональной демократии и верховенства права (Maciukaite-Zviniene, 2009: 29-30). Другие двенадцать постсоветских стран потеряли эмансипативный импульс Перестройки (Hale, 2016: 26). Даже наиболее

¹ Больше об этом см.: Minakov, 2017.

«демократичные» общества из этих двенадцати – Грузия, Молдова и Украина – пребывают в ситуации «полусвободы» и ненадежной ассоциации с ЕС (Nodia, Cenusu & Minakov, 2017). А о свободе и развитии в шести непризнанных государствах Восточной Европы и речи нет (Fischer, 2016: 5-7). Такая неожиданная постсоветская реальность выросла в конкуренции и взаимодополнении революционных и реставрационных стратегий.

В этом номере журнала «Идеология и Политика» мы представляем вашему вниманию ряд исследований постсоветского транзита.

Номер открывает статья Павла Скигина, который присоединяется к дискуссии о характере путинского режима в России. Скигин поддерживает тех исследователей, кто применяет веберовскую концепцию неопатримониализма для описания политической системы России. В этой связи Автор показывает, как российская политическая система функционирует при помощи патрон-клиентских иерархий, разных форм получения ренты и обусловленной собственности. Автор также анализирует возникновение «властной вертикали» на примере современной России.

Статья Андреаса Умланда фокусируется на политических идеологиях современной России. Умланд утверждает, что радикализация путинского режима в 2013-14 годах может быть объяснена не только экономическими интересами правящих элит, но и доминированием антизападных и неоимпериалистических убеждений важных политических игроков. Автор доказывает, что режим Путина совмещает реакционную политику с элементами «революционного империализма»

Жириновского и Дугина. Такая идеологическая смесь распространена как среди элит, так и общества, и в силу этого влияет на публичный дискурс России и ее внешнюю политику.

В следующем исследовании Дженнифер Кэрролл демонстрирует то, как пропаганда вернулась в Россию и Украину. Автор изучает, как российская пропаганда запустила своеобразные «контр-нарративы» против украинских освободительных и националистических движений в 2013-14 гг. Кэрролл доказывает, что эти контр-нарративы достигли своей цели породить доверие к ложной объективности образов, которые отрицательно брендовали события и участников Евромайдана. Эта статья удачно анализирует постсоветское социальное воображение и попытки им манипулировать.

Юрий Мациевский и Александр Кашинский рассматривают причины и последствия популизма в Польше, Румынии и Украине. Авторы проверяют теорию, гласящую, что популизм становится влиятельным в обществах со слабыми демократическими институтами. Мациевский и Кашинский доказывают, что в Польше и Румынии радикальные экономические реформы спровоцировали длительное противодействие со стороны значительной части населения, что, в свою очередь, привело к распространению правых патерналистических и националистических настроений. В случае же Украины, социальный популизм возникает из-за недостатка реформ. Тут популизм одновременно носит левые и правые признаки. Но во всех трех случаях, согласно выводам Авторы, сильные популистские движения

увеличивают демократический дефицит и провоцируют еще больше симпатий к популизму.

Джузеппе Юрато предлагает использовать методы социальной психологии для анализа модернизирующихся и демодернизирующихся обществ. В своей статье, Юрато применяет символический интеракционизм Мида для выявления того, как доминирование Обобщенного Иного в современных институтах ведет к разного рода автоматизмам и «рекурсиям в прошлое». Эта модель применима для анализа постколониальных условий существования постсоветских обществ.

Этот номер завершает социологическое исследование демократического транзита Украины в условиях фрагментированного общества. Александр Резник и Владимир Резник продемонстрировали, что противостояние двух геополитических ориентаций украинского населения связаны с наличием двух больших коллективов, ориентированных на разные культурные и политические ценности внутриполитического характера. На данный момент эти различия не нашли способа управления в политической системе, что приводит к радикальным внешне и внутреннеполитическим изменениям с приходом каждой новой администрации, а также ограничивает демократические шансы украинского транзита.

Постсоветский транзит не завершен. Революционные и реставрационные процессы остаются сильными во всех обществах региона. И наш журнал будет изучать их и далее.

Bibliography

Кордонский, Симон. (2010). *Россия: Поместная федерация*. Москва: Европа.

Fischer, Sabine (ed). *Not Frozen! The Unresolved Conflicts over Transnistria, Abkhazia, South Ossetia and Nagorno-Karabakh in Light of the Crisis over Ukraine*. Berlin: SWP, 2016.

Gaidar, Yegor. (2010). *Collapse of an Empire*. Washington, DC: Brookings Institution Press.

Hale, H. E. (2016) 25 Years After The USSR: What's Gone Wrong?, in: *Journal of Democracy*, T. 27, №. 3, pp. 24-35.

Maciukaite-Zviniene, Saule. Defining Criteria and Assessing Democracy in the Baltic States. *Social Research*, 2009, 15(1): 28-38.

Minakov, Mikhail. 2017. (Not Only) A Russian Revolution: Centennial Reflections, Kennan Focus Ukraine, accessed online 22 December 2017, <http://www.kennan-focusukraine.org/not-only-a-russian-revolution-centennial-meditations/>.

Nodia, Ghia, Denis Cenusu, Mikhail Minakov. 2017. Democracy and its Deficits: The Way of Georgia, Moldova and Ukraine towards becoming European-Style Democracies, Centre for European Policy Studies policy papers, accessed online 22 December 2017, <http://www.3dcftas.eu/publications/other/democracy-and-its-deficits-way-georgia-moldova-and-ukraine-towards-becoming>.

Stefes, Christoph H. (2006). *Understanding Post-Soviet Transitions*. London: Palgrave Macmillan.